Отдельно не продается. № 6 (18) Цена 30 р. вместе с № „Рабочей Газеты“.

КРОКОДИЛ

Москва Воскресенье, 1 октября 1922 г.

2¹/₂ Интернационал во Франкфурте постановил об'единиться со 2-м Интернационалом. В резолюции нет ни звука о диктатуре пролетариата, о демократии и даже о коалиции с буржуазией. Мартов голосовал за эти резолюции. 2¹/₂ Интернационал стал 2-м Интернационалом.

„Правда“

Новая арифметика.

(С БЛАГОСЛОВЕНИЯ СТИННЕСА).

Рис. И. Малютина.

2+2¹/₂=2

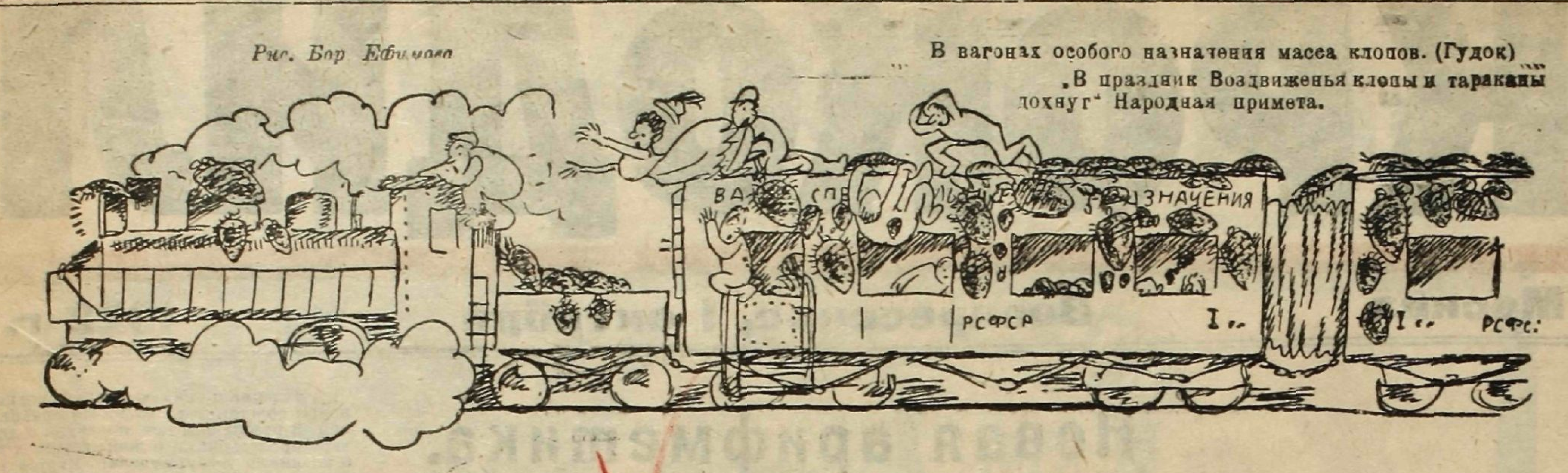

Рис. Бор. Ефимова

В вагонах особого назначения масса клопов. (Гудок)

„В праздник Воздвиженья клопы и тараканы дохнут“ Народная примета.

ВЕЛИКИЙ РАСКОЛ.

Отец Нафанаил плюнул. Отец Иона тоже плюнул — и растер ногою. Отец же Ириней, воздев очи горе, укоризненно возгласил:

— Вскую брение творить на чистом полу, отцы? Христос посреде нас!..

На это отец Нафанаил сложил персты в неподобное знамение и, потрясая им в воздухе, изрек:

— Кукишь тебе, а не Христос! Не живая церковь у вас, а гроб повапленный!

Отец Ириней уподобил, в ответ, группу Церковного Возрождения — вавилонской блуднице, а старую церковь — смердящему Лазарю. Отец же Иона, не стерпев поношения, брякнул:

— Сказано в писании: псу живому лучше, нежели мертвому льву. Псы вы живые и есть,— оные же не по смерти токмо, но и при жизни смердят!

— Пусть так, — кротко ответил отец Нафанаил, — будьте вы львом околевшим, отец Иона! Околеть-то давно ему пора, ибо когда еще на сем животном Христос в Иерусалим в'езжал!..

А отец Ириней присовокупил:

— Лев-то околел... Но смотрю я на вас, отцы, — и впадаю в сомнение: точно ли утонули во озере Тивериадском все те четвероногие, в коих Христос вселил бесов?

После этого словопрение перешло в великую брань. Отец Иона сотворил отцу Иринею заушение. Отец Ириней издрал ризы на отце Ионе, заодно подвергнув отторжению клок брады отца Нафанаила. Отец же Нафанаил под'ял в защиту свою жезл с набалдашником, восклицая:

— Сокрушу нечестивых!.. Еже есть сказаемо: не мир, но меч!..

Отец диакон почтительнейше доложил о происшедшем отцу благочинному.

— Так, так... — сказал с сокрушением отец благочинный. — Великий, великий раскол! Религия, — это уж, знаете... Еще в минувшие века возникали религиозные войны и...

Но отец диакон перебил:

— При чем же, однако?.. Не религия тут, ваше благословение, — а мужик курицу принес. Из-за курицы все и вышло-с!

Грамен.

Повесть о комбриге Иванове.

I.

Он был лихой кавалерист,
Владел и шашкой, и винтовкой.
А как на митингах речист!
А как искусен в джигитовке!
Спросите всех его бойцов!
Ответит каждый, как по книге:
«Ей-ей, товарищ Иванов—
Прекраснейший из всех комбригов».
Уж шел к концу двадцатый год...
Добив барона без пощады,
В местечко зимовать идет
Неустрашимая бригада.
Местечко ходит ходуном,
Храпят на водопое кони,
В домах—постой, в домах—содом,
И шумный говор в ржанье тонет.
Настали мирные деньки.
Красноармеец, не зевай-ка!
Морозы зимние легки
Вдвоем с квартирною хозяйкой.

II.

Комбриг, товарищ Иванов,
На зиму стал в квартире знатной,
Кровать с периной, вдоволь дров,
И на столе альбом занятный.
Хозяин, пухлый, круглый поп,
Хотя сторонкой и ругался,
Но лишь комбрига встретит,—стоп!
Мгновенно в три дуги сгибался.
Закусит—поп несет запить,
Умылся—с полотенцем мчится,
И нежно просит защитить
Его добро от реквизиций.
Комбриг в ответ ему сопел,
А сам порой совсем не гневно
На дочь поповскую глядел,
Олимпиаду Алексевну.
И вправь, девицей хоть куда
Была задорная поповна,—
Умна, красива, молода,
Как избежать тут дел греховных?
Сперва наш доблестный комбриг
По вечерам за чашкой чая
О разных схватках боевых
Рассказывал неумолкая.
Потом ей книжки стал давать...
И вот Бухарин и Богданов
Поповну стали увлекать
Сильней чувствительных романов.
Попа совсем бросает в жар,
Когда холодной зимней ночкой
Комбриг вздувает самовар
В прихожей темной, с милой дочкой.

III.

Бежали дни быстрей часов,
Еще быстрей бежали ночи,
И вот поповну Иванов
Назвать женой своею хочет.
Внимая сладостным речам,
Она кивает восхищенно,
Но пусть он с ней поедет в храм
И обвенчается законно.
Взбесился красный командир,
Про храм и слушать не желает,
Готов искать других квартир...
Она-ж, рыдая, убегает.
Две ночи думал удалец.
На третью ночь, душой воспрянув,
К утру придумал, наконец,
Хитрейший из хитрейших планов.
На утро белое, как снег,
Везде пестрело об'явленье:
«Доклад о боге. Вход для всех.
Попов зовем для возраженья».
И ночью в клубе у реки
Пришедшим негде поместиться:
Пришли седые старики
И разодетые девицы.
Вот на трибуне—сам комбриг,
И длятся несколько моментов
Красноармейцев удалых
Раскатные аплодисменты.
Доклад был ярок и красив,
Как выстрел—каждая тирада.
И слушала, глаза раскрыв,
Вся бледная Олимпиада.
Он кончил, и набитый зал
Дрожит от хлопанья и криков.
И тщетно попик выступал,
С испугу сделавшись заикой.
Домой уходит Иванов.
За ним—победа, безусловно.
К нему прижалася без слов
На все согласная поповна.
Назавтра с горестным отцом
Она поссорилася дома
И записалась с удальцом
В отделе актов Исполкома.
Когда же юная весна
Сорвала зимние преграды,—
Стряхнув с себя оковы сна,
Далеко двинулась бригада.
И с вереницею бойцов
Помчались вместе в путь беззвестный,
Комбриг, товарищ Иванов,
С своей комбригшею прелестной.

Г. Лелевич.

РУССКИЙ ЯЗЫК.

— Сел он, сидит. «Надо ждать»—говорю. Ну, дал, конечно, а сам искоса смотрит, дескать, не передал-ли?... А где уж, там, передал: безусловно, доложить надо было бы! Однако, взял я. Затем взял его бумаги, передал кому следует, и доложил в том смысле, что надо бы его взять: человек подходящий...

Ночью пришли ко мне: оказывается, делопроизводитель по телефону все передал!... Взяли. Сижу. Пробовал дать—не взяли. Приходится ждать. Хорошо, что хоть передачу разрешают, а то оголодал бы.

Боюсь, не взяли бы и Петра Петровича с Иван Иванычем: тоже, небось, доложено, что берут. Заберут их,—тогда конец! Надо бы дать им знать, чтоб не брали пока: авось, не оголодают. Но с кем передать? Может быть, дежурному если поосновательней дать, то он взялся бы... Да вдруг не возьмет? Тогда ведь, возьмет, да следователю и передаст!

Гр.

Домашняя аптечка.

(Посвящ. т. Н. А. Семашко).

Завести солидную домашнюю аптечку—это была моя давнишняя мечта. Месяца два тому назад она, наконец, осуществилась.

Медикаменты я приобрел у одного симпатичного старичка, сидевшего на тумбе возле Красных Ворот. Медикаменты были хорошие. По крайней мере, старичок вполне ручался за их превосходные качества:

— Что-нибудь особенное-с, гражданин! Будьте покойны: не в аптеке покупаете, а у специалиста. В случае чего — я всегда тут, на этой тумбе, сижу... Бывшая графиня одна каждую неделю у меня лимонов на пятнадцать берет: у ней в костях ревматизм застарелая.

Часть медикаментов старичок извлек не из ящика, а из кармана. О них он сказал:

— Эти средствия вам даже и не отпустят в аптеке. Разве что по рецепту врача... Дык ведь доктора, что они понимают-то?..

Аптечка составилась, в общем, недурная. Действие же лекарств, из которых она состояла, оказалось прямо-таки поразительным и превзошло все мои ожидания.

Для производства первого опыта я избрал своего пожилого родственника, время от времени заходившего ко мне побеседовать о новой экономической политике.

От ее последних успехов старика заметно лихорадило. Я предложил ему хининцу. Он принял порцию, но спросил:

— Красное-то оно какое-то отчего-же? Спокон веку белую хину ем, а теперь — смотрико-ся ты?..

— Патентованая. В таблетках, — снисходительно пояснил я. — Белую-то хину вы во всякой аптеке достанете, да что толку!

Сначала с ним было нехорошо. Дня три он криком кричал от рези в желудке и жаловался, что его несколько раз выворачивало наизнанку. Но зато потом—лихорадку с него сняло, как рукой, а весь старик, в общем и целом, подвергся резкому омоложению. Правда, он не уменьшился в росте, но лицом сразу стал походить на грудного ребенка: у него выпали все, до одного, волосы и все, до одного, зубы.

Меня он перестал узнавать.. Вероятно, теперь я казался ему большим страшным дядей.

Другие опыты были, пожалуй, не менее удачны.

Жене одного знакомого я дал валериановых капель. После первого же приема их эта истеричная женщина сразу отучилась от истерик и заявила о своем выходе из партии левых эсеров. Побочных действий лекарства не наблюдалось, если не считать легкого временного недомогания: чего-то в роде смеси холеры с дизентерией и с воспалением полости рта.

Десять капель опийной настойки, которые я дал нашему бухгалтеру от бессонницы, оказались превосходным средством для прочищения желудка: бедняга (не желудок, а бухгалтер), ведший слишком сидячий образ жизни, увидел свет. Цинковая мазь великолепно отчищала старые кастрюли (ботинки от нее портились), а от моего касторового масла у одного близорукого меньшевика внезапно прозрела слепая кишка.

Неудача вышла у меня только со стрихнином. Стрихнин был мне нужен для истребления крыс. Крысы с'ели его вместе с тестом, в которое он был замешан... А недели через две ко мне явилась дряхлая крыса, привела с собой дюжину жирных крысенят и начала в самых прочувствованных выражениях из'являть мне свою благодарность:

— По гроб жизни!.. Век бога молить!.. Где-ж думаю, мне потомство плодить: годы уж мои не такие. А покушала специи твоей, — и вот: двенадцать, да как на подбор!..

Этот ужасный случай и заставил меня обратить внимание тов. Семашко на бесконтрольную продажу медикаментов.

Правда, старичок-специалист клялся-божился мне, что стрихнин у него не свой, а купленный в Фарматресте. Но все-равно... Разве можно продавать в разнос такие сильнодействующие средства?

Представьте себе, что этот самый стрихнин был бы приобретен эсерами на предмет покушения на самоубийство... Что-ж бы это тогда получилось?

Ник. Иванов.

Главбух Р.С.Ф.С.Р.

(Тов. Сокольников).

В котировальной комиссии постановлено не принимать в расчет при установлении курса русского рубля валюты: латвийскую, польскую, эстонскую, персидскую и некот. другие.

(Из газет).

Рис. Б. Ефимова.

„Нервенный“.

С. В. Малышев в беседе с нашим сотрудником сообщил следующее:

— В Москве в настоящее время, в связи с некоторыми фактами практической политики финансового ведомства, происходит нивеллировка курса нашего рубля, который выравнивается по общим мировым фондовым настроениям.

«Экон. Жизнь».

Метнулся рубль стабилизованный:
Был тут и вон куда махнул!
В финансах мало образованный,
Я чуть не крикнул:—«кар-р-ра-ул!!».

Ан вышло: зря я беспокоился,
Узнать пытаясь, «чья вина-с»?
Рубль просто малость порасстроился:
Он очень нервенный у нас!

Демьян Бедный.

Рис. М. Черемных.

Всякий радио-концерт будет слышен в Японии.
(Из газет).

Ноты.

В московском трамвае.

В трамвай публика набивается.
У трамвая мальчишка заливается:
— «Вот «Крокодил»! Вот «Крокодил»!
По всей Москве ходил:
От Курского вокзала
До Земляного вала.
Кто ему на зубы попал,
Тот пропал!»
— «Вот они, трамвайные порядки!»
— «Гражданин, не загораживайте площадки!»
— «Вы чего орете?»
— «А вы куда прете?
Постояли-бы, как я, в хвосте!»
— «Битый час сидим, а трамвай с места не сдвинется».
— Д-лень, д-лень, д-лень!—«Пошел!!»—«Господи Сусе-Христе!
Не ровен час, опрокинется!»
— «Гражданин, потесниться нельзя-ли?»
— «Пришли к ему, матушка, в самый аккурат,—
И самого взяли
И самогонный аппарат».
— «Ленин на отдыхе! Ну-ж и выкинули номер!»
— «Не настоящий!»—«Неужто настоящий помер?»
— «Как-бы не так!
Эх вы, чудак, чудак!
Большевики про ленинскую болезнь сказки рассказывали,
Заграничным профессорам поддельного Ленина показывали,
А настоящий-то не болен ни животом, ни поясницею,
А под чужой фамилией орудует заграницею!»
— «Скажите, какой обман!»
— «Большевики не такие еще отольют пули».
— «Ай, кто-то залез в карман!»
— «Батюшки, узел утянули!»
— «Кондуктор! Кондуктор! Останови!»
— «Держи!»—«Лови!»
— «Удирай, Евсейка!»
Длень, длень, длень!—«М-ма-ро-сей-ка!»
Нам сходить.—«Загородили дорогу:
Чорт вас несет с мешком!»
— «Ну, приехала, слава богу!
Назад уж лучше пойду пешком!»

Демьян Бедный.

Москва в воскресенье.

В Нескучном саду.

Трамваи бывают разные. Мне попался какой-то непутевый. Вместо того, чтобы как всегда честно привезти меня домой, он, ехидно позванивая, потащил меня далеко в сторону.

— Кондуктор, разве этот № изменил маршрут?

— Ничего подобного!

— Так в чем же дело?

— Усиленное движение по случаю гулянья!

Я ничего не понял и попал в Нескучный сад.

Сада я сначала не разглядел: в отчаянной давке меня приплюснули к какому-то верзиле, и я полчаса носился где-то, он, глядя на коричневый (в клеточку) пиджак, пахнущий не то спиртом, не то бензином. Сзади напирали...

Наконец, я почувствовал, что людская волна шумит где-то рядом, а я выброшен на берег. Я отдышался и попробовал насладиться природой. Вокруг тут и там виднелась осенняя травка, заботливо прикрытая коробками из под «Иры», «Явы» и всякого «второго сорта». Рядом у дерева молодая чета нежно играла с ребенком. Он упорно старался дать ребенку молока,—она весело отталкивала, и его, и бутылку.

— Что ты обалдел что-ли, Николай? Видишь: он и так совсем мокренький!

— Но он пить хочет!

— Откуда ты взял? Сам напился и думаешь, что всем хочется пить.

Вдруг, совсем над ухом, оглушительно рванул оркестр.

Не желая мешать музыкантам заниматься их искусством,—я отошел подальше. И вновь сделался невольным свидетелем трогательной сцены.

Ворковали, очевидно, двое влюбленных.

— Что ты наводишь шапку на уши—я тебе говорю: сымай калоши,—значит, сымай. Сотрешь их все здесь!

— Как же я их сниму—чай, я новые штиблеты надел, обсоюзки у меня лаковые. Штиблеты то дороже калош.

— Никуда с тобой не пойду больше! Никуда! Даже чистым воздухом подышать нельзя. Все люди, как люди, а у тебя все не по-людски!

* * *

Крепко пахнет дешевенькой пудрой, духами и пылью. Оркестры музыки и гармонные переливы сливаются в общую какофонию.

Вокруг эстрады с юмористом—толпа. Юморист широко открывает рот, жестикулирует,—в задних рядах не слышно ни слова. Публика довольна:

— Смотри, Вася, как серавно в кинематографе...

Пестрый, маленький хоровод детишек... Вертятся, играют и звонко поют:

Елкин-Палкин! Лес густой,
Ходит Коля холостой,
Если Коля женится—
Куда Соня денется...

— Дядя, а когда фивирки будут делать? Скоро?

— Не знаю, милый.

— Ну и дурак.

Милое, золотое детство!

* * *

Темнеет. Семейных в Нескучном саду все меньше и меньше. Отпили чай, наглотались «свежего воздуха», поссорились—и теперь утрамбовывают трамваи, уезжая домой.

Зато больше молодежи. Больше парочек. Они знают, когда хорош Нескучный.

— Мань, а Мань! Смотри твой Петька то с Синицыной Зиной гуляет.

— Ладно! Наш атлас не уйдет от нас...

— Откровенно вам сказать, я избалован женщинами, но среди вас я чувствую себя бобылем.

— Все вы мущины обманщики и злые интриганщики.

Темнеет Москва-река. В зелени листьев ярко горят огоньки освещенных зданий. В темное небо при громком крике взвивается первая ракета. За ней другая, третья...

— Леля, пока звездочка не погасла—давай задумывать желание. Вы чего бы хотели?

* * *

Вы не были в Нескучном? Ай-ай-ай! Что же это вы? Стыдно, стыдно! Что? Да! Пылища, духища, толчея, прямо чорт знает что такое! Безобразие! А вы все-таки сходите—очень интересно, очень!

Вас. Лебедев.

Рис. Черемных.

Исход казаков из Египта.

Казаки, бывшие во врангелевской армии, массами возвращаются в Советскую Россию из Египта, куда их загнали антантовские радетели. Возвращающиеся казаки поражены и обрадованы, увидав со стороны Советской России самое благожелательное отношение вместо ужасов, которые им обещали белогвардейские газеты.

Крокодил чрез реку Нил
Всех казаков проводил.

— Эй, забудьте, вы, казаки,
Генералов ваших враки.

Мы грехи вам всем простим,
Вас в России приютим.

Генеральские же хари
Пусть останутся в Сахаре.

Регистрация грибов и ягод.

В этом году небывалый урожай грибов и ягод.

«Раб. Москва».

В Омской губ. не позволяют собирать грибы и ягоды без разрешения.

Рис. Д. М.

Лес. В лесу избушка. В избушке две пишущих машинки. У машинок две машинистки. Стол входящих, стол исходящих. Очереди.

— Позвольте, гражданка... У вас удостоверение на право сбора морошки, а вы вон клюкву собираете.

— Кто-же ее знает, ету бумажку? Я думала—она клюквельная.

— Подайте добавочное заявление с приложением гербового сбора и образца желаемой ягоды. Следующий!

— Товарищ! Будьте таки любезные,—я зял разрешение на грибы белые № 018723, 018724 и 0,1984, 4, а они уже сорваты. Как же мне быть теперь?

— Возьмите удостоверение из Волисполкома о том, что вы сегодня грибов не ели—вам выдадут новый ордер. Следующий!

— Товарищ заведующий—мародера поймали—7 грибов без разрешения орвал. Куда его?

— Выведите его из пределов леса.

«Мародера» уводят. А он поет:

— Говорила тебе я:
Ты не ешь грибов, Илья!
Не послушал и покушал,—
Ну, теперь вина твоя!..

— Следующий!

Лес. В лесу избушка. У избушки очереди. А на дереве плакат:

— Товарищи, уважайте чужой труд. Не тратьте времени даром. Время-деньги!

КУМ ВАСИЛИЙ

Радио-концерт.

(В одном клубе).

— До чего дожили, а? Радио-концерт слушать будем! Теперь и умереть можно спокойно!

В зрительном зале давка, волнение.

— Обещали в три, а сейчас почти четыре.

— Волна еще не пришла. С дороги своротила.

— Там у них, говорят, конденсатор не работает.

— А кто такой Конденсатор?

— Кто-ж его знает! Наверно инженер какой-нибудь. Заелись черти!

— Сядьте, сядьте,—ничего не видно.

— А что тебе видать то?

— Да хоть что нибудь. За свои деньги то...

— Т-сс-сс... Слушайте, слушайте.

— Пи—и... и... Пи—и... и...

— Неужто это и есть радио-концерт?

— Нет... это грудной плачет и больше никаких гвоздей.

— Вот сидим и готовимся к радио-концерту. А вот дед мой наверное бы этому не поверил.

— А ты веришь. Эх, ь легковерная же ты душа!

— А сейчас наверно ведь где-нибудь слышно.

— Что слышно?

— Концерт!

— Да, наверно: где поют, там и слышно.

— Ох, тяжко: хоть бы сказали, когда «там» все кончится.

— А то просидишь до ночи. А мне есть хочется.

— Т-ссс. Тише. Вон человек вышел какой-то. Может это и есть конденсатор?

— Товарищи. В виду непорядка с машинами радио-концерта сегодня не будет. Вместо этого будет просто концерт, а после концерта—танцы.

— Браво! У—рра!! Радио-танцы!!

— Товарищи! Не волнуйтесь пожалуйста. Будьте сознательными гражданами

Публика расходится.

— Не радио-концерт,—одно расстройство!

— А кто тебе велел расстраиваться. Ты вот все дело и испортил! Нужно было на 3 тысячи метров настроиться, а ты вовсе расстроился. Вот ничего и не вышло.

Зуб.

Неделя о взятке.

(Железнодорожный хор).

АНСАМБЛЬ.

Мы привольно поживаем—
Железнодорожники.
Жизнь идет блаженным раем,—
Потому—художники.
Тот—подай, этот—дай,
А не дашь,—ожидай!..

АГЕНТ.

Я отправлю, что хотите:
Спирт, и ром, и «разное»...
Но получат там,—простите,—
Нечто несуразное...

НАЧ. СТАНЦИИ.

Я пущу товар по весу,
Но,—простите,—на пути
Половина сгинет к бесу,
Что и бесу не найти...

ПРОВОЖАТЫЙ.

Я—ничтожнейшая сошка,
Но при случае свезу
Багажа совсем немножко,
Но зато... на всем ходу...

ЕЩЕ АГЕНТ.

Дайте мне нюхнуть «лимона»
И поедете, как граф:
Дам не только пол-вагона,
В целом виде дам состав...

ТАКСИРОВЩИК.

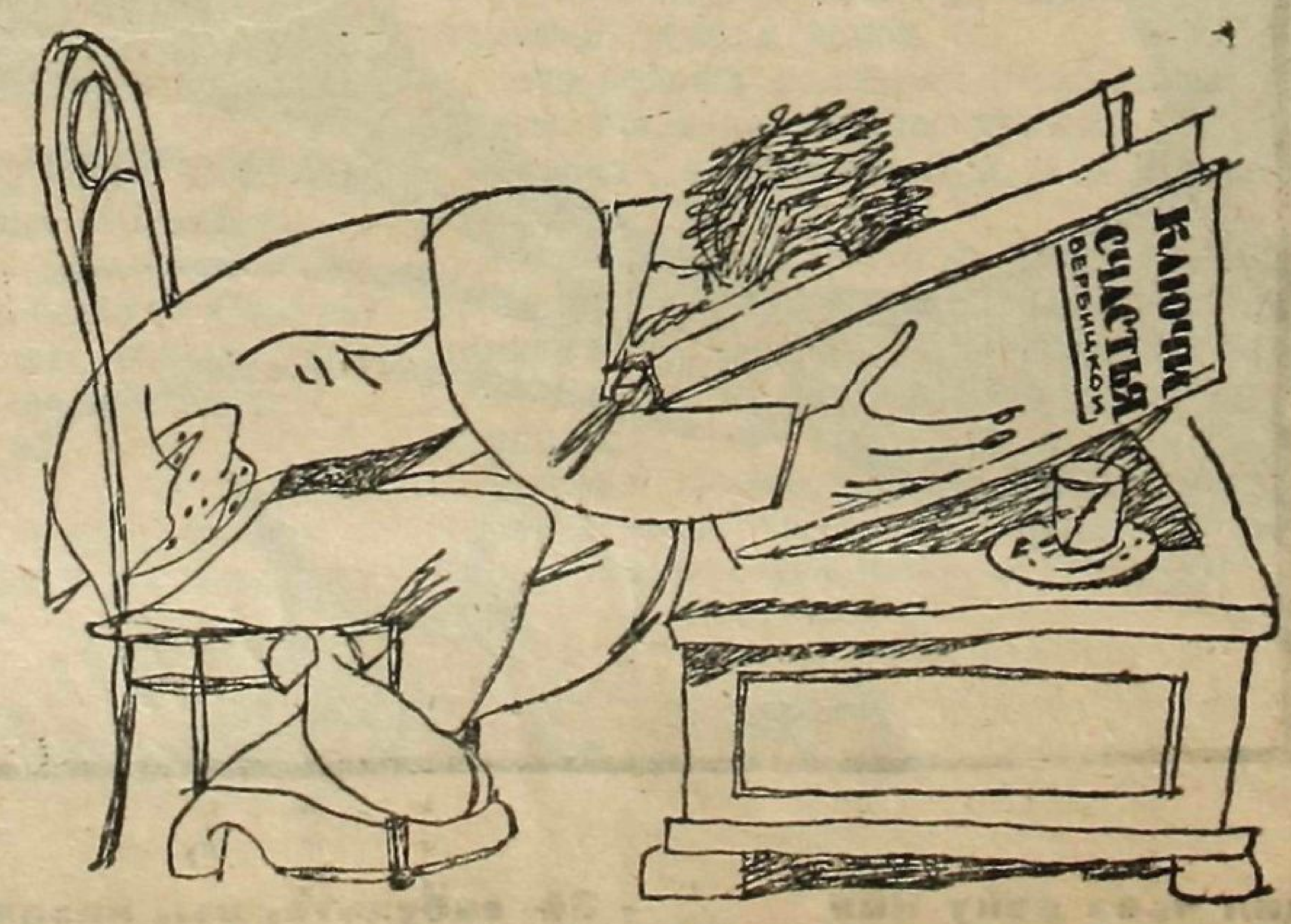
Все отправлю, что в запрете:
Спирт, брильянты, лом и соль,
Только суньте «пати-мети»
На «грудную канифоль».

АНСАМБЛЬ.

Мы привольно поживали,
А теперь наш рай—ау:
Долго не было печали,—
Накачали Гепеу!

Жел. дор. кассир.

Рис. Черемных.

Утопленник.

МИСТЕРУ ЛЛОЙД-ДЖОРДЖУ С ДИПЛОМАТИЧЕСКИМ КУРЬЕРОМ.

Мистеру дорогому надлежащий привет!
Турки-то устроили какой камуфлет!
Несутся в Константинополь карьером.
Будет-ли английский флот надежным барьером?
Вы, мистер, забили тревогу:
Зовете все доминионы на подмогу.
Делаете Франции глазки,
Расточаете всем балканским головорезам ласки:
— «Греки показали туркам пятки!
Вызволяйте, ребятки!
Севрский «мир» переживает агонию.
Не допустите совершиться беззаконию,
Чтоб какой-то турецкий Абдул
Вернул себе Стамбул!
По какому-такому резону
Турки лезут в нейтральную зону,
Коей реальный оплот
Наш английский флот?!»
Мистер, сказать ли вам откровенно:
Если вы неизменно
Будете — со своими лордами Керзонами —
Гоняться за нейтральными зонами,
То-бишь, забираться в чужие грядки
И наводить там свои порядки,
То... доиграетесь вы до точки,
Когда вам не помогут никакие примочки!
Таково мое убеждение.
Делаю вам дружеское предупреждение:
Нарветесь на такой ожог,
Что свалитесь с ног,
Ослепнете, онемеете
И потеряете все, что имеете.
А почему я в этом уверен,
Я вам сто раз повторять не намерен.
Но потом убедятся все, все, все,
Что в переломной исторической полосе,
Как бы обреченные классы умны ни были,
Они сами ускоряют час своей гибели!
Не в прок вам наша переписка, ну и шут с ней!
Я думал, что вы все-таки умней!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

СОВЕТСКИЙ СОННИК.

Составлен по новейшим данным оккультных наук, при ближайшем участии профессоров белой и черной магии из журналов «Мысль» и «Экономист».

Академический паек видеть во сне—к отмене совнаркомовских пайков.

Антонина епископа—к семейным раздорам.

Балалайку—к разговору со сменовеховцем.

Ветеринара во сне увидеть: нэпману—к болезни.

Г.П.У.—некоторым сон в руку, а некоторым—весьма не с руки.

Дворника увидеть во сне—то же, что и на яву: к выселению из квартиры.

Жилищный отдел—к большим расходам и неприятностям.

Комнату свободную увидеть и получить во сне—выиграть 30 миллиардов на билет государственной лотереи.

Миллиарды выиграть во сне—комнаты все-таки не получить, ибо для этого нужно выиграть миллиарды на яву.

Наркомпрос ежели приснится,—будет выключено освещение за невзнос платы.

Нарк-ма Путей Сообщения увидеть—смотря по тому, кто сновидец: железнодорожник—попасть в Г.П.У. за мздоимство; обыватель—дать мзду железнодорожнику.

Родственников много увидеть — поступить на службу в советское учреждение.

Сало свиное есть во сне—от нэпмана деньги получить.

Тихона патриарха увидеть—купить на Сухаревке краденое серебро.

Улитку, по злаку ползущую—делопроизводителем в Наркомзем поступить.

Чистку партии—к сокращению штатов предприятия или учреждения, в коем работает сновидец-коммунист.

Штатов сокращение—для советских барышен с приятной внешностью сей сон не страшен.

Эмиссии сокращение—к борьбе со взяточничеством.

Юбилей пятилетний—смотря по сновидцу: рабочему—к поправлению здоровья; буржуа—к сильному расстройству желудка.

Гр.

■■■

К. Бальмонт.

Поэт Бальмонт за границей написал восторженную оду, посвященную ген. Корнилову.

«Хочу возврата ушедшей власти!
Хочу, чтоб снова был Николай.
Хочу участка! Желаю части!
Народ Российский, со мной желай!!!
О, Лавр!! Народу твой блеск желанен,
Мы два желанья в одно сольем.
Уйди, рабочий! Уйди, крестьянин!
Мне сладко с прошлым побыть вдвоем!..»

О ТРАМВАЙНЫХ СПЕЦАХ.

Примерно девять знакомых мне людей жаловались, что у них в трамвае срезали карманы и, конечно, с бумажниками.

Рассказывают, что во время процесса эс-эров эти спецы усиленно подрабатывали.

Двое знакомых рассказывают:

— Сидим в трамвае, вдруг шум, голоса: «эс-эров везут»... взглянули, действительно карета к дому союзов под'езжает....

Карета проехала, а у троих сидящих в трамвае подкладка пиджака сиротливо свесилась лохмотьями, а бумажников и след простыл...

Не один Вандервельде, как видно, на процессе эс-эров подработал.

У него ловкость языка.

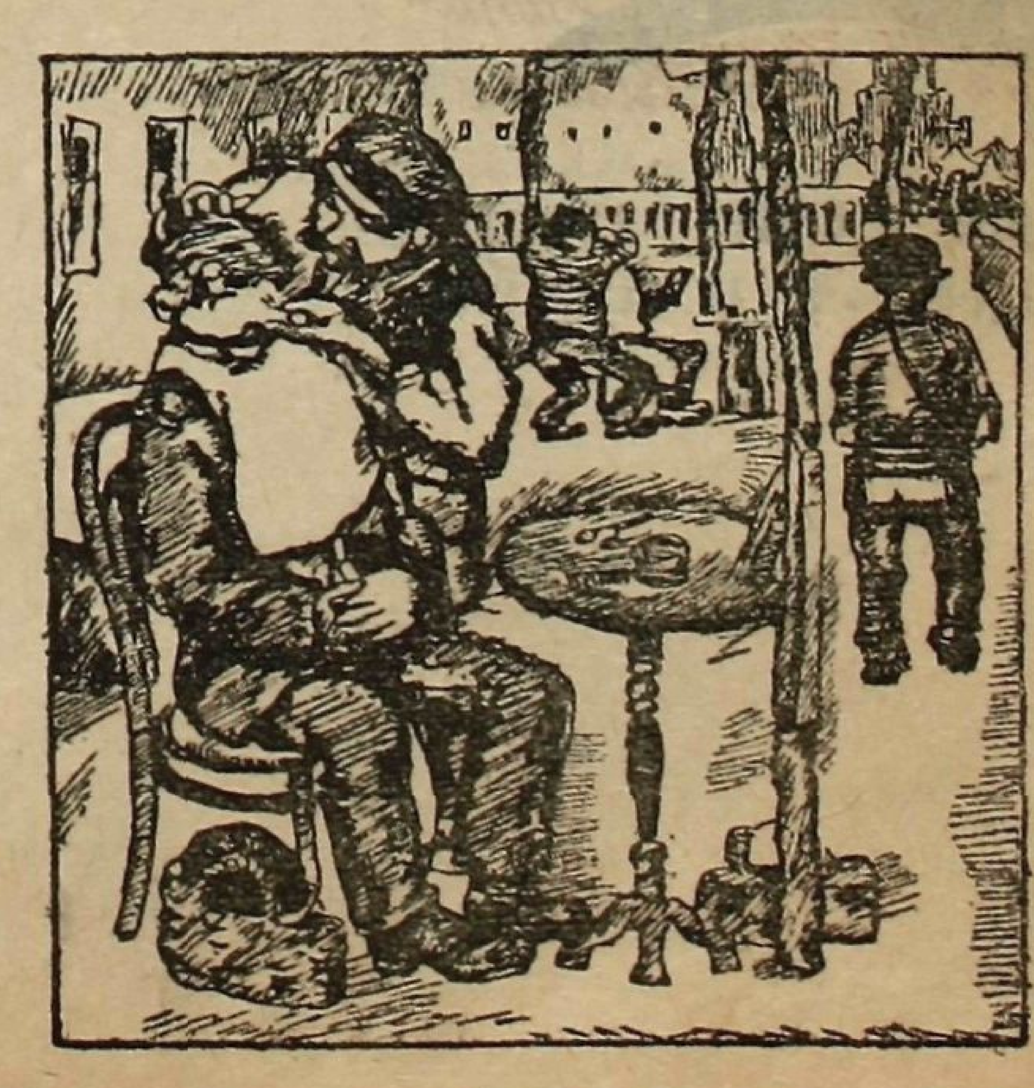
У них ловкость рук...

Говорят, работают трамвайные «спецы» бритвами...

Это называется безопасным бритьем карманов...

А жаль, что безопасным...

С. Желез.

Бреет.

Благодарность.

От всей души благодарю «Крокодила»:!
Моя жена аж от радости взвыла,
Прочитавши, как хлестко он защищает пролетарскую братию
В ее борьбе с нэпмановскою ратию.
— Пиши,—говорит,—благодарность «евоному секлетарю»—Демьяну Бедному,
Для буржуйской породы человеку весьма «вредному»,
Что-б и впредь он в таких же метких выражениях
Пописывал о всех «крокодильских» похождениях.
Я отговаривался отсутствием писательского стиля,
А она мне в ответ:—Одно слово—ты простофиля.
Пиши,—говорит,—что бог на душу положит,
А уж прочесть-то там кто-нибудь да сможет,
Да поклон передай самому «Крокодилу»,
Уж больно похож он на мово брата, Гаврилу.
Будь что будет, но я буду виноват,
Ежели кто скажет, что письмо плагиат,
И что все мое писательское старание
Есть лишь знаменитостям подражание,
Порешил я и сел писать.
Таковы уж жены: им на все наплевать.
Но подумайте только и посудите сами:
Люди писать учатся годами,
А тут—садись и пиши, рассуждать не смей.
Аж в жар бросило, ей, ей!...
Исполнив, таким образом, данное мне поручение,
Я отправляюсь к врачу на лечение,
Ибо в пылу «благодарности» моя Людмила
Сама похожа была на крокодила
И нечаянно,—ведь человек не из дуба,—
Кулаком вышибла мне два зуба...
Но несмотря на такое мое ранение,
Я все-же свидетельствую «Крокодилу» почтение
И, пожелав ему «многая лета»;
Ожидаю скорого ответа.
Микита, сын Авилов,
По фамилии Чудилов.

Перехватил А. ЕВГЕНЬЕВ.

Рис. Д. Моора.

Вредители зем

Преподобные гвозди ими Христос пригвожден был.

Чудо велие: глаз вопиющего в пустыне

Стой, помещик, шалишь! Ни

Чудеса в решете

Святый зуб св. апостолов Петра и Павла.

Незримый волос „пресвятыя девы марии.“

...ые и небесные.

Бывшие помещики стараются получить обратно часть своих земель в виде трудового надела, пытаясь приписаться к крестьянским общинам.

„Беднота".

...ево, ни Еву не соблазнишь.

Чудо последнее, от глупости вашей.
«православные», к нам текущее.

Перышко из воскрылия
„Бога духа святого"

Тьма египетская.
Помогает при родах.

ЛЬВЫ И КИТЫ.

Из журнала „Коммунист“ (Англия).

Иллюстрация во всемирном масштабе.

БАСНЯ.

Однажды в Африке, у озера Ньям-Ньям,
Сошлись в компании три грузные бизона.
И нервно хлопая хвостами по бокам,
Мычали меж собой без всякого резона.
И вдруг, у озера, открыв громадный зев,
Явился эдакий зверком пустыни лев,
Взглянув направо и налево,
Лениво почесал бока,
Подумал громко: «Сшамать мне быка,
Иль подождать? Тощи больно. Эва»...
И вдруг... (Опять «и вдруг»...
Читатель, добрый друг,
Поверь, что в баснях всякое бывает)...
Тут к берегу, представьте, подплывает
С нагуляным брюшком, сам царь рыбячий
Кит.
Вот лев и говорит:
— Коль к завтраку напрашивается Кит,
Так нет совсем резона
Мне кушать бегемота, иль бизона,
Я-ж до сих пор китятины не ел...
А, говорят, что вкусный он, пострел...
А посему, почтеннейшая рыба:
— Сюда... Даешь...
Изрядно закусил, икнул — рыкнул: Спаси-
бо.— Обед, по-моему хорош...
Бизоны, рты разинув, замычали.—да-с...
Бывают странные явления подчас...
Но... что сия картина означает?..
Причем тут лев?.. Зачем тут Кит гуляет?..
И... в дебри мудрости залезли по рога.
Как вдруг... Глядят: из ила
К ним симпатичное прет рыло крокодила.

Они к нему...—Тов. крокодил,
Ты на рабфаке был, и по свету бродил,
Так об'ясни нам оное явленье:
Причину, статику, динамику, теченье,
Всю эзотерику субстанции его
И удивительный конклюзиум всего».
Тут крокодил, раскрывши рот, привычно
Им отвечал тепло и симпатично:
— О, тайна оного до лешего проста...
А мудрость русская недаром бает—
Что в непоказанные львиные места
Кит Китычу ходить не подобает...

Рис. М. Черемных.

Европейский Кит-Китыч. Иллюстрация из романа Джимми Хиггинс.

Протест скотов.

В Курской губ. оказалась недоимка по продналогу: масла, яиц, шерсти и пр. (из газет).

На скотном дворе собрание домашних животных. Разбирается вопрос о продналоге. Председатель, бык-третьяк, тщетно старается смирить разбушевавшиеся страсти, тряся подвешанным на шею колокольчиком.

— Я протестую,—мычит яловая коровка-ярославка.—С меня требуют 5 фунтов масла,—да еще какого: не сливочного, а русского. Я не маслобойная машина. Где я им это масло сбивать буду. У меня и органов таких нету.

— Масло что, масло—пустяк,—нервничает курица. Вот с меня требуют по десятку яиц с десятины. Причем тут десятина. Я не помещица. Я женщина бедная. У меня за спиной десять ртов кричат.

— Не волнуйтесь, товарищ курица, не волнуйтесь. Не ровен час, яйцо без скорлупки снесете. Сколько у вас едоков?

— Каких едоков? Не хочу я никаких едоков. Что вы мне угрожаете. Третьего дня супруга моего с'ели, теперь меня пугаете. Был бы мой Петя жив, небойсь, не посмели бы обижать беззащитную вдову. Думаешь, если ты бык—так на тебя и управы нет. Найдем, брат, найдем. Ишь, чего выдумали—десять яиц с десятины. Чай я не радио-курица, а простая смертная.

— От имени союза баранов приносим свой протест против безудержной стрижки,—жиденьким тенорком кричит группа баранов. Остригли раз, остригли два, но нельзя же до бесчувствия. Зима на носу—а у нас последнюю шубу снимают, да еще ругают, что шерсть коротка.

— Что там шерсть. С меня требуют моего кровного сала,—захлебываясь визжит свинья. Это уж не грабеж, это пытка, это инквизиция...

Председательствующий бык изо всей мочи звонит колокольчиком.

— Граждане-животные и птицы. Вношу конкретное предложение:—«Требовать от хозяина сдачи продналога облигациями хлебного займа». Кто за это, прошу поднять ноги и крылья!»

— Браво! У-р-р-а! Качать председателя!

— Черт его укачает...

Собрание закрывается.

В. Кумач.

За границей.

«В ресторане «*Au Canneton*» (против фондовой биржи), в пятницу, 11 сентября: блины, икра, семга, водка и пр., и пр. Во время обеда кубанский казак протанцует лезгинку».
«Послед. Новости» в Париже.

За границу уезжая, пел им батюшка-барон:
— Нам вернет страна чужая Николая милый трон. Нас приветит за-граница,—целый мир на русских зол,—и мы снова будем биться за отечество-престол... С треском скинем власть совета, жизнь вернем на старый лад...

И кричал «ура» на это корпус «аховых» солдат.

Плыли к черту на кулички: к туркам, к чехам, к босниякам... И, конечно, по привычке—разводили тарарам.

Но умолкли крики встречи, стихли спичи, пыл погас,—и пошли другие речи с зуботычиной подчас.

В басурмании турецкой зажил с горем и тоской Пров Вавилов молодецкий унтер армии донской. Не форсит уж, как бывало, но... «комунии на страх» у вояки—генерал честно служит в деньщиках.

Доброволец Мишка Гулин жизнь за Русь отдать готов,—потому живет в Стамбуле на отбросах в куче псов.

Симбирян Пеньков Афонька, седовласый хлебороб, босякует полегоньку в мраке лондонских трущоб...

Казачек степей Кубани, Сидор Тихоныч Кавун, при парижском ресторане Русь спасает от «камун». Потешая важных барей перед стойкой кабака, пляшет русский пролетарий с полным чувством трепака...

— —

Там они: донец, кубанец, терец, москаль и хохол... в резвых «па» стоят средь пьяниц «за отечество-престол».

Что-же делать, в самом деле,—обманули простака: или нищенствуй с панели или дрыгай трепака!..

Пантелей Крокодилов.

Вилами в бок.

КРОКОДИЛЬЯ ЖИЛА.

Петрозаводская газ. «Корельская Коммуна» в ответ на наши «вилы» в «Красный Клич» сердито окрысилась.

Пишет:

«Критики из московского журнала, выходящего там, вероятно, по недоразумению, под балаганным заглавием «Крокодил», в № 2 открыли свою крокодилову пасть и покушаются поглотить целиком коллектив петрозаводских журналистов. Так в отделе «Вилами в бок», они до седьмого поту стараются пронзить своими тупыми вилами авторов «размашистых», «громких» стихов и... «НЭПистых» карельских поэтов.

— У московских писателей,—заключают они,—до петрозаводских «пролетарских» жила тонка!..

Насчет жилы, пожалуй, и правильно, а вот...»

А вот дальше петрозаводцы сообщают, что некий журнал «Крест. Правда» перепечатывает целиком статьи и фельетоны у петрозаводцев.

И на здоровье!.. «Крокодилу»
Петрозаводские «Кличи»
Пожалуй будут не под силу,
Как очень скверные харчи.
Жила тонка,—это верно!

РУБЦОВСКИЙ РАЙРАБОЧКОМ.

Барнаульская газ. «Красный Алтай» сообщает:

«Рубцовский райрабочком за истекший месяц сделал такой отчет.

Организационная работа.

За истекший месяц велась работа по проведению кампании добровольного членства. Но разные шкурники подорвали коллективную работу.

Культурная работа.

За истекший месяц не велась совершенно. Причины—отсутствие средств.

Административная часть.

Главная работа выразилась в текущей переписке.

Деловой райрабочком,
Мимо нас иди бочком,
Впредь,—трудяга—голубок,
Крепче всадим вилы в бок!

«УЧЕНЫЕ».

Смоленский журналист И. Ляпидус пишет в местной газете об экзаменах. Перед ним прошло не менее 150 человек учителей, интеллигентов, людей с законченным средним образованием. И вот что он слышал:

— Кто заменил в России власть Николая?

— Ленин!

— Что такое ВЦСПС, ВЦИК, Совнарком и т. д.

Решительное:—«не знаю».

— Ваше социальное положение?..

— Девица...

— Кто такой Карл Маркс?

— Большевик.

— Что же вы о нем знаете?

— Живет в Москве и пишет декреты.

«Крокодил» хотел всадить вилы в бок таким ученым людям, но боков то не оказалось: один сплошной медный лоб.

А РЯЗАНСКИЕ НЕ ХУЖЕ.

Там тоже вздумали экзаменовать учителей. По «Сев. Раб.» дело обстояло так:

«Скажите, пожалуйста, кто у нас в республике возглавляет, так сказать, дело просвещения?

— Карл Маркс...

— Неужели? А мы, представьте, думали, народный комиссар—Луначарский. Кто является высшей властью в нашей республике?

— Совнарком!

— Нет.

— Калинин...

— Нет...

— И-не знаю...

— Оно и видно... А что такое социализм?

Учитель молчит, но думает про себя, что социализм — вещь неприятная: учителей экзаменуют...»

Надо, товарищи, учителя подтянуться! А?

НЕ СОЧУВСТВУЮТ И БАСТА!

В Краснодаре по сообщению «Кр. Зн.».

На Областном с'езде народной связи, заведующий культ.-просв. отделом т. Олоухин сказал следующее:

«Конечно, принимались меры для поднятия культурного уровня и просвещения масс. Недостаток средств - этот предмет служил большой помехой в этом отношении, но в общем работа велась слабо вследствие несочувствия членов союза»

«Крокодил» промолвил хмуро:
— Этих вилами? На что-ж?!
Коль неймет таких культура,
Их и вилой не проймешь.

ЭРПОПЕ.

«Тамбовская Правда» помещает в хронике:

«Бывший редактор усманской уездной газеты С. Пасский, выпускавший революционные плакаты «Пролетарская Сатира» и писавший ядовитые фельетоны и статьи против попов,—постригся сам в попы.

Там-же г. Анатолий Еткин, бывший член РКП и один из самых образцовых продагентов, постригся в диаконы».

Ну, что ж—в Эрпопе таким и место.

«ВМЕСТО «УРА» «КАРАУЛ» КРИЧАЛ!»

«Вятская Правда», замотавшись в будничной работе, мечтала хоть о каком нибудь празднике. Их было много: Троица, Введение, Успение и пр. Все неподходящие... И вдруг... Годовщина убийства Урицкого.

С радости «Вятская Правда» об'явила этот день праздником и напечатала:

Празднование 4-й годовщины убийства Урицкого.

«Крокодил» поздравляет «Вятскую Правду» с русской пословицей:

— Заставь (?) богу молиться, он и лоб разобьет.

◆◆◆

Разговор.

Раз рабочий сказал капиталу:

— Эх, капитал, капитал!.. Богатства-то у нас... Чуть не на земле лежит. Хоть взять бы донецкий уголь... Стоит вложить туда несколько миллионов рублей золотом и через два-три года...

— Сказал тоже! — зевнул капитал. — Стану я вкладывать миллионы, да годами ждать у моря погоды... Я сейчас лучше у мужиков хлеб по дешевке куплю, а к весне в триллионах буду.

— Ну ладно! — согласился рабочий. — Донецкий уголь — долго ждать... А вот хоть, скажем, строительство русских городов. Отремонтируешь десяток другой домов, вот тебе и деньга... Огребай квартирную плату!

— Невидаль... — усмехнулся капитал. — Не возился я с вашим коммунотделом. Много ли с иного жильца платы сдерешь... Да я лучше какому-ни-какому учреждению товары на бобах разведу, вот тебе и барыш.

— Но, ведь, это же жульничество, — убеждал рабочий. — Я предлагаю тебе честный путь... Ты знаешь, за жульничество ГПУ...

— Не пойман — не вор! — возразил капитал. — А я, брат, так нырну, ни одна ГПУ не сыщет.

— Ну, а, ежели, скажем, транспорт, — убеждал рабочий. — Дело живое... Капитал можно воротить скоро!..

Капитал махнул рукой:

— Младенец ты!.. Ну на кой ляд буду я строить железные дороги, коль за взятку и так они мои. Что хочу, то и качу... Понял?..

— Вот тебе, бабушка, и нэпов день. Выходит на НЭП надейся, а сам не плошай, — сказал рабочий.

М. А.

Рис. И. М.

РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ.

Рис. Д. Мельникова.

Анна: Стара уж я, батюшка - архангел, чтобы детей родить...

Архангел: — Любви все возрасты покорны!

ГРЕЧЕСКИЙ БАЛЕТ.

В Афинском общественном мнении усиливаются голоса в пользу возвращения к власти Венизелоса.

„Известия“.

Рис. Д. Мельникова.

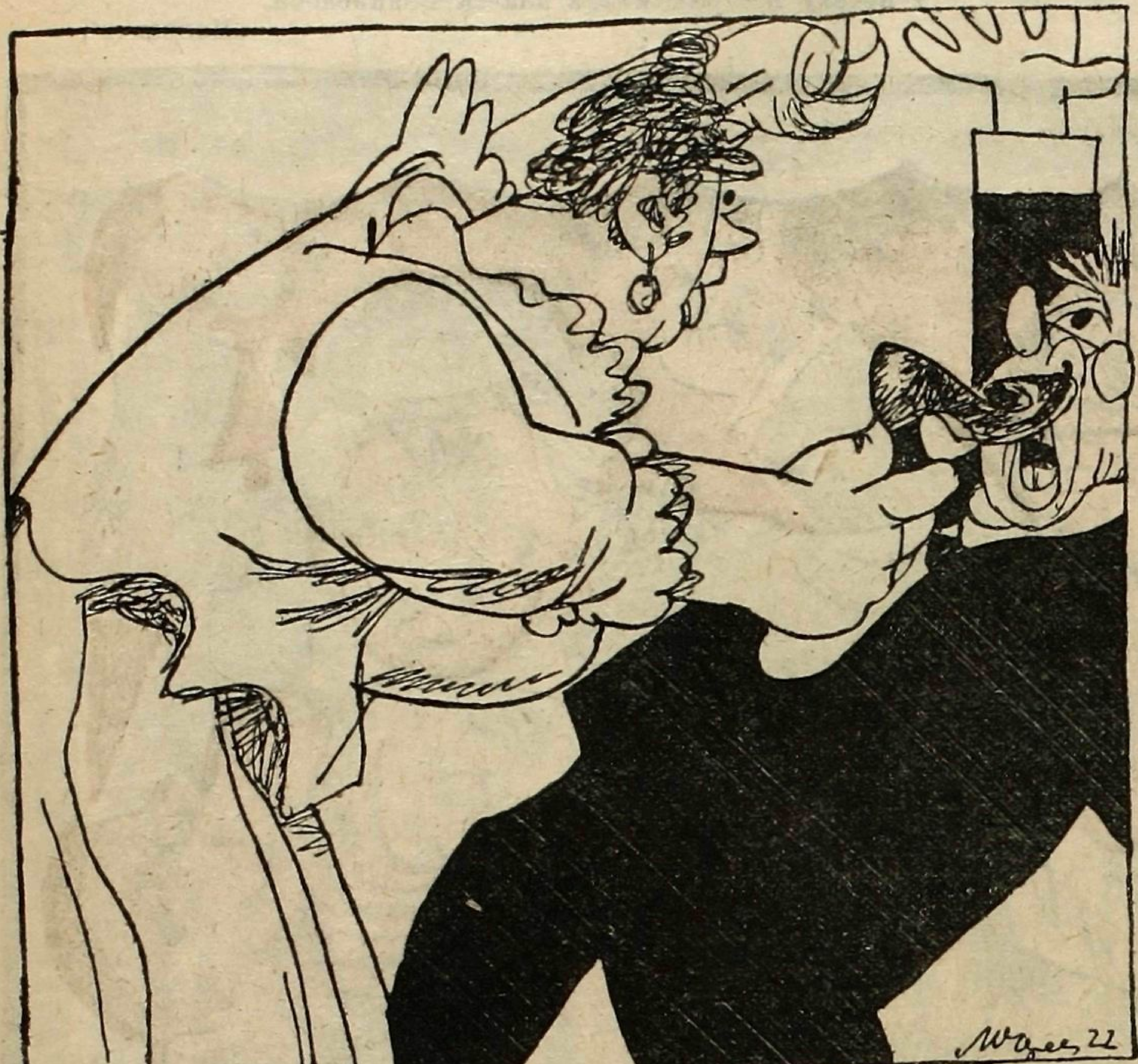

Турок: — Посмотрим, как запляшет Венизелос со своей коронованной плясуньей, когда придет пора для нашей массовой сцены!

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС.

Рис. М. Черемных.

Дома.

Один из Д. С. Северной ж. д. издал приказ:—женщин на службу не принимать.

(„Гудок").

I.

Лидия Васильна—ух, какая дама!
Мужу заявила откровенно, прямо:
— С эдаким болваном мне житье не вмочь!
Голо ы мне, дурень, даром не морочь.
У Матильды Львовны новая ротонда,
У Татьяны Провны шляпа из «Бо-Монда»,
У Мари Бубновой не супруг, а—НЭП,
Подарил брильянты и рессорный кэб.
И ботинок ручкой двигая всесильно,
Заявила мужу Лидия Васильна:
— Вот тебе, брильянты! Вот тебе—манто!
Вот тебе за это! Вот тебе за то.
Служишь ты, мой милый, властью на дороге,
А жена от горя вытянет и ноги!..
Чтобы завтра-ж, утром, был автомобиль!
Я из вас, дружочек, выколочу пыль.
(И соседи,—верно,—думали в тот час,
Что за стенкой чистят палкою матрас...).

И на службе.

II.

Отпустила мужа Лидия Васильна...
Петр Иваныч думу думал крокодильно:
Погоди ты, шельма,—вспомнишь «разговор»!..
Будет вам машина, будет и шоффер!
Три-четыре куша, ежель осторожно,
И Пежо, конечно, предоставить можно,
Но за это будет дьявольская месть...
У меня для мести способы-то есть!..
Физию закутав ватой и бинтами,
Петр Иваныч крепко «шевелил винтами»,
Думал всесторонне, в профиль и в анфас,
Взял перо, бумагу и катнул:—«Приказ»:
Сим по всей дороге ставлю всех в известность,
Землю, Марс, Венеру и ее окрестность,
Чтоб на сей дороге не было вовек
Ни одной бабы, нравственных калек.
Всех прогнать в три шеи и в четыре счета.
Бить мужей ботинком—это не работа!!!

—

Петр Иваныч адски ржал, смотря в приказ:
— Лидия-с Васильна, вот вам! Нате! Да-с!!!

—

Страничка иностранного юмора.

Христос в гостях у Антанты

Приехал...

Митинг на площади.

Банкет.

В трибунале. (Из сатирического журнала „Коммунист“—Англия).

Главлит. № 1771. 7-я Типография «МОСПЕЧАТЬ» (бывш. Мамонтова).

КРОКОДИЛ

Близ Мурома попы ходили с крестом. Понадобилось им проехать по жел. дор. Несмотря на поповский протест, крест взяли в багаж, свешали и святым отцам пришлось уплатить за провоз креста 20 миллионов.

Рис. Ив. Малютина

„ВОЗДВИЖЕНИЕ".

Ох, грехи! Дерут безбожно:
Там отдашь, да там отдашь...
Стало прямо невозможно
Везть дорогой прefбагаж.

Эдак жить нельзя на свете,
Проработаешь впусте:
Не удастся даже трети
Заработать на кресте.